

А. К. Киклевич

ДВЕНАДЦАТЬ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА

ALEKSANDER K. KIKLEWICH
TWELVE LANGUAGE FUNCTIONS

Статья посвящена проблеме классификации функций языка. Автор рассматривает шесть параметров языковой деятельности, которые служат в качестве критериев выделения функций языка. Рассматриваются два аспекта функционирования языка: экспликативный и процедурный. Это позволяет автору выделить двенадцать функций языка: номинативную, магическую, индексальную (презентативную), экспрессивную, социативную (символическую), прагматическую, стилистическую, этологическую (эвристическую), когнитивную, креативную, статусную и интерлингвистическую (инициативную).

Ключевые слова: философия языка, функционализм в языкознании, функции языка, эколлингвистика.

The article discusses the problem of language function, and namely different types of their classification. The author takes into account 6 parameters of linguistic activity, which treats as criterions of language function detachment. The author takes into account two aspects of language functioning: the explicational (representative) and the procedural (instrumental). This permits the author to distinguish twelve language functions: nominative, magical, deictic, expressive / interpretative, sociative / symbolic, pragmatic, stylistic, ethological / heuristic, cognitive / cumulative, creative, constitutional / distributional, interlinguistical / initiating.

Keywords: language philosophy, functionalism in linguistics, language functions, ecolinguistics.

**Александр Константинович
Киклевич**

Доктор филологических наук, профессор Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша)
► akiklewicz@gmail.com

Экспликативно-процедурная модель функций языка

Функция в языке является реляционной категорией. Определить функции языка значит установить множество его регулярных отношений к среде, а именно к таким ее элементам, как: 1) мир, т. е. материальная (физическая), социальная, психическая и т. д. действительность (реальность); 2) человек, т. е. языковой субъект, носитель языка — индивидуальный или групповой; 3) интеракция, т. е. взаимодействие субъектов с помощью речевых сообщений; 4) дискурс, т. е. коммуникативная ситуация и ее параметры: сцена и обстановка речевой интеракции, время и продолжительность взаимодействия, атрибуты, вспомогательные коды и др.; 5) конвенция, т. е. общая для речевых партнеров апперцептивная (другими словами — когнитивная) база; 6) языковая ситуация, т. е. группа языков и социальных вариантов языка, культивируемых в границах определенного административно-территориального сообщества.

Функциональная релевантность языка реализуется в двух аспектах: 1) экспликативном и 2) процедурном. Экспликация состоит в том, что

Таблица. Функции языка в экспликативно-процедурной модели

Факторы языковой деятельности	Аспекты языковой деятельности	Функции языка
Мир	экспликативный	1) номинативная
	процедурный	2) магическая
Человек	экспликативный	3) индексальная
	процедурный	4) экспрессивная
Интеракция	экспликативный	5) социативная
	процедурный	6) прагматическая
Дискурс	экспликативный	7) стилистическая
	процедурный	8) этологическая
Конвенция	экспликативный	9) когнитивная
	процедурный	10) креативная
Языковая ситуация	экспликативный	11) конститутивная
	процедурный	12) интерлингвистическая

в языковых знаках и в формах речевой деятельности отражаются, моделируются элементы внешнего мира, психической и социальной жизни людей. Процедурный, другими словами — инструментальный, аспект функционирования языка касается его употребления как средства реализации действий, организации человеческой деятельности.

Общую систему функций — с учетом изложенных выше предпосылок — можно представить схематически (табл.).

Номинативная функция

Номинативная функция заключается в передаче языковыми знаками информации о мире. Данная функция является специфической для вида *homo sapiens* — в коммуникации животных используются так называемые перформативы: предупреждение, угроза, просьба и др. Насколько важны в процессах номинации языковые знаки, показывает следующий, описанный Георгием Данелией эпизод: грузин и русский, находясь в заграничной командировке в Риме (в 60-е годы прошлого столетия), делают покупки в магазине:

Баскаков хорошо знал немецкий (во время войны он был военкором) и стал по-немецки объяснять, что ему надо. Продавцу что немецкий, что грузинский — одно и то же. Не понимает...

— Пошли Нею приведем, — сказал Баскаков. — Она по-французски объяснит.

— Не надо, сами управимся. Какой размер?

— Сорок шесть.

Я показал продавцу пальцем на кофточку на витрине, достал ручку и написал на бумажке: 46. Продавец написал цену, и кофточку мы приобрели.

— Мне еще колготки нужны, — сказал Баскаков.

— А что это такое? (у нас тогда колготки были большой редкостью, и я впервые услышал это слово от Баскакова).

— Это такие чулки, переходящие в трусы.

Я показал продавцу на ноги и сделал вид, будто что-то на них натягиваю, до пояса.

Тот положил передо мной брюки.

— Нет, — я показал ему свои носки и изобразил, что натягиваю их до пупка.

Продавец положил на прилавок кальсоны.

— Но! Для синьоры, — и я показал руками груди.

Продавец достал лифчик. <...>

Номинативная функция охватывает разные аспекты действительности: 1) физические состояния: *На улице метель*; 2) физиологические состояния: *Маше холодно*; 3) ментальные состояния: *Иван о чем-то задумался*; 4) эмоциональные состояния: *Маша радуется*; 5) языковые состояния: *Гласные звуки бывают долгие и краткие* и др. Важно подчеркнуть, что номинация охватывает не только сферу физических объектов и положений дел, но также сферу психических состояний. Так, в предложении из стихотворения Иннокентия Анненского *И дам ей*

жаль разоблаченных реализуется номинативная функция — представление эмоционального состояния описываемого третьего лица, тогда как в высказывании из другого стихотворения поэта *Мне жаль последнего вечернего мгновенья* реализуется экспрессивная функция — выражение эмоционального отношения героя (*жаль*) к описываемому событию (*последнее вечернее мгновение*) (см. далее).

Магическая функция

Магическая функция основывается на вере человека в то, что слово (устное или письменное) представляет собой обязательную часть обозначаемого предмета, а значит, воздействуя на слово, человек воздействует и на предмет [16; 9: 23 и след.]. А. А. Потеня писал, что в наивном, мифологическом («простонародном») сознании «между родным словом и мыслью о предмете <...> такая тесная связь, что <...> изменение слова казалась непременно изменением предмета» [13: 173]. Ср. характерную с этой точки зрения русскую поговорку *Легок на помине: Зачем ты только про него сказал — вот он и легкий на помине* (А. Битов). В связи с этим В. фон Гумбольдт приводил анекдот о простолюдине, который, слушая разговор астрономов, спросил: «Я понимаю, что с помощью приборов людям удалось измерить расстояние звезд от Земли, узнать их расположение и движение. Но как вам удалось узнать названия звезд?» (см.: [3, Т. 2: 311]).

Магическая функция особенно характерна для детской речи, в которой, по наблюдениям С. Н. Карповой и И. Н. Колобовой, «складываются смутные <...> представления о действительности речи, отличной от действительности предметов и явлений, ею обозначаемых» [6: 156]. Другой сферой широкого распространения магической функции являются поэтические тексты, о чем писал А. А. Потеня [13: 173]. Кроме того, магическая функция характерна также для пропагандистских текстов, особенно относящихся к так называемому «новоязу» [19; 21]. Так, С. С. Ермоленко [5: 11] приводит в качестве примера отклоненный коммунистической цензурой очередной том «Большой советской энциклопедии» (второе из-

дание), который начинался статьей «ВКП (б)», а заканчивался статьей «Водевиль». С точки зрения цензора, как пишет Ермоленко, «соседство этих двух слов на корешке тома было сочтено недопустимым».

Индексальная функция

Индексальная функция (в терминологии английской социолингвистики: [20: 11; 17: 6; 18: 140]) состоит в идентификации личности отправителя сообщения или же, чаще, его принадлежности к определенной социальной группе. Р. Т. Белл пишет, что индексальная информация «сообщает о <...> социальном статусе говорящего <...> и помогает обрисовать его отношение к себе и к другим и определить роль, которую он сам отводит себе как участник интеракции» [1: 102]. Ср. характерный пример из кинофильма «Свадьба» (по чеховским сюжетам): *Они свою образованность показать хотят, оттого и говорят о непонятном*. Поскольку в зависимости от пользователей каждый живой этнический язык делится на социальные варианты — социолекты, то эту функцию языка можно также назвать социолектной: выбирая ту или иную социально и культурно маркированную подсистему языка, говорящий — намеренно или ненамеренно — манифестирует свою принадлежность к определенному сообществу, определенной культурной парадигме. В этом отношении характерен приводимый в дневниковых записях Георгия Даниелии эпизод: *Как-то в Ташкенте я смотрел по телевизору фильм Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны», дублированный на узбекский язык. Там Борман, когда вошел в кабинет к фюреру, выкинул руку вперед и воскликнул: «Салам алейкум, Гитлер-ага!»* Комизм здесь возникает из-за несовместимости ситуации (с участием Гитлера и Бормана) с культурным (азиатским) фоном, определяемым характером коммуникативных реплик на узбекском языке.

Индексальная функция непосредственно связана с социативной, так как манифестация социокультурных параметров речевого субъекта обычно влияет на распределение ролей в коммуникативной ситуации.

Экспрессивная функция

Экспрессивная функция позволяет говорящему «выразить себя», т. е. свои эмоции, суждения, мысли. Ср. расхожее определение такой функции языка, как *выпустить пар*: *Должна быть возможность пары выпустить. Хочет человек высказаться — пусть, очень даже хорошо. Знаете, есть выражение: сказал — и облегчил душу* (В. Розов). Обычно экспрессивная функция реализуется посредством категории модальности. Ср. фрагмент из стихотворения Евгения Баратынского «Мне с упоением заметным...», в котором доминируют формы экспрессивной функции, например, выражение *предавшись нежному томленью*. Все они указывают на эмоциональные состояния лирического героя:

*Когда я в очи вам гляжу,
Предавшись нежному томленью,
Слегка о прошлом я тужу,
Но рад, что сердце нахожу
Еще способным к упоенью.*

К сфере экспрессивной функции относят (вслед за К. Бюлером) также неинтенциональные языковые симптомы — касающиеся как формы, так и содержания речи, по которым можно установить физические, физиологические или психические состояния говорящего, например: *Ешли... (зевота раздирала мне рот и от этого слова я произносил неряшливо), — кого-нибудь привезут... вы дайте мне знать шюда...* (М. Булгаков). Следует различать номинацию интенциональных состояний от интерпретации передаваемой в предложении семантической информации. Считается, что экспрессивная функция реализуется знаками-симптомами, указывающими на внутреннее состояние человека, но этого определения недостаточно, чтобы однозначно интерпретировать высказывания о «внутренних состояниях», например: *Я знаю, что правительство уходит в отставку / Я рад, что правительство уходит в отставку / Мне жаль, что правительство уходит в отставку / Я не верю, что правительство уходит в отставку*. В теории функционального синтаксиса (см.: [22: 168 и след.]) подобные выражения рассматриваются в области деонтической (интенциональной) модальности, в отличие от но-

минации интенциональных состояний в высказываниях типа: *Маша была не в духе*.

Социативная функция

Данная функция заключается в языковом выражении социальных отношений между участниками интеракции. Известно, что в обыденной коммуникации «отношения лишь иногда определяются полностью осознанно» [2: 15]. Для выражения социальных взаимоотношений чаще используются невербальные знаки, такие, как интонация, темп речи, атрибуты, жестикация и др. Насколько трудным бывает порой намеренное выражение отношений с помощью речевых высказываний, хорошо показывает следующий фрагмент из романа Владимира Набокова «Машенька»:

Людмила вдруг перевернулась на спину и, смеясь, распахнула голые худенькие руки. Утро к ней не шло: лицо было бледное, опухшее и желтые волосы стояли дыбом.

— Ну же, — протянула она и зажмурилась.

Ганин перестал бренчать.

— Вот что, Людмила, — сказал он тихо.

Она привстала, широко открыв глаза.

— Что-нибудь случилось?

Ганин пристально посмотрел на нее и ответил:

— Да. Я, оказывается, люблю другую женщину.

Я пришел с тобой проститься.

Она заморгала спутанными своими ресницами, прикусила губу.

— Это, собственно, все, — сказал Ганин. — Мне очень жаль, но ничего не поделаешь. Мы сейчас простимся. Я полагаю, что так будет лучше.

Людмила, закрыв лицо, опять пала ничком в подушку. Лазурное стеганое одеяло стало косо сползать с ее ног на белый мохнатый коврик. Ганин поднялся, поправил его. Потом прошел два раза по комнате.

— Горничная не хотела меня впускать, — сказал он.

Людмила, уткнувшись в подушку, лежала как мертвая.

— Вообще говоря, — сказал Ганин, — она какая-то неприветливая.

— ... Пора перестать топить. Весна, — сказал немного погодя. Пошел от двери к белому трюмо, потом надел шляпу.

Людмила все не шевелилась. Он еще постоял, поглядел на нее молча и, издав горлом легкий звук, как будто хотел откашляться, вышел из комнаты.

Во всем диалоге только одна реплика — *Я люблю другую женщину* непосредственно касается области межличностных отношений, а все остальное — это косвенные речевые акты, своего рода фатическая оболочка, которая в большей степени обусловлена культурной конвенцией, чем информативной или социативной функцией языка.

Что касается языковой манифестации социальной структуры дискурса, то с этой целью — в зависимости от типа дискурса, в особенности степени его официальности или фамилийности, — употребляются различные средства — прямые (например: *Как человек более опытный, советую...*) или косвенные. Последние обстоятельно описаны в монографии польского исследователя Я. Василевского [27: 125 и след.]. К примеру, отмечается, что высокая степень вежливости считается признаком низшего статуса, а разговор «на повышенных тонах» — признаком конфликта.

Прагматическая функция

Прагматическая (коммуникативная, импрессивная, аппелятивная, перформативная, иллюкутивная и т. д.) функция проявляется в стремлении речевого субъекта влиять на социальные отношения, в частности, на поведение коммуникативных партнеров с помощью речевых сообщений. Это воздействие касается как физических, так и психических, а также речевых действий и состояний адресатов, ср.: *Подойди поближе! / Успокойся! / Замолчи!* Во многих философских и лингвистических концепциях коммуникативная функция языка считается главной. Ср. афористическое утверждение Х. Ортеги-и-Гассета, что, когда мы говорим, мы находимся в обществе, а когда мы думаем, мы одиноки.

В теории польского философа Т. Скальского [25] прагматическая функция (которую Скальский квалифицирует как медиальную) противопоставлена семантической (номинативной): в средствах массовой коммуникации в последние десятилетия в центре внимания все чаще находится не передача информации, а конечный эффект воздействия на массового потребителя.

Кроме целенаправленных, интенциональных речевых действий в коммуникативной прак-

тике широко распространены также реактивные, т. е. конвенциональные, ритуальные, речевые акты, например, большинство пословиц и поговорок. Ср. один из характерных примеров:

Так прошли недели её (Маши. — А. К.) замужества, похожего на суровое заключение в тюрьме, но она не сдавалась...

— *Никитка, гляди, утоплюсь!* — пригрозила Маша.

— *Баба с возу — кобыле легче!* — ответил Никита. — *Кабы я тебя из воды не волок, и давно бы женился на доброй девице, детей нарожал, да покой бы ведал! Повдовею — женюсь* (С. Злобин).

Пословица *Баба с возу — кобыле легче* появляется здесь на фоне реплики *Гляди, утоплюсь!* и выражает реакцию Никиты на угрозы жены. Трудно было бы представить себе коммуникативную ситуацию, в которой рассматриваемый фразеологизм выступал бы в инициальной позиции, т. е. в качестве темы интеракции. К реактивным речевым действиям следует отнести реализацию «стереотипных реплик в стандартных ситуациях», о которых пишет Б. Ю. Норман [12], речь идет, например, о народных приметах типа: *Посуда бьется — к счастью; Зеркало разбить — к несчастью*. Данным аспектом коммуникативного функционирования языка занимается новая научная дисциплина — диспозиционная прагматика.

Третья сфера прагматической функции языка представлена фатическим общением, цель которого состоит в поддержании или сохранении социального контакта коммуникантов.

Несколько минут все трое молчат. Наконец Панчук с трудом проглатывает большой кусок и сдавленным голосом равнодушно спрашивает:

— *Что, брат, дневалишь?*

Он и без того отлично знает, что Меркулов дневалит, и предложил этот вопрос ни с того ни с сего, без всякого интереса; просто так себе, спросилось (А. Куприн).

Стилистическая функция

В зависимости от типа дискурса и его участников языковая система реализуется в том или ином ее варианте. Языковые формы прямо или косвенно информируют нас о категории коммуникативной ситуации, в которой они задейство-

ваны как носители сообщений. В этом и заключается сущность стилистической функции языка.

Стилистическая маркированность касается единиц разных уровней языка — фонем, морфем, лексем, предложений, ср. реализацию разговорного стиля фонетическими средствами: *Я, Лидья Якольна, нахал!* (Н. Заболоцкий). *Силового жонглера Рюмина в цирке звали «Ващета». Так он проносил мусорное словечко «вообще-то», вставляя его в свою речь кстати и некстати* (В. Ливанов). *Бу сделано* (В. Астафьев).

Стилистическая характеристика речи чрезвычайно важна в ситуациях перекодирования, когда речевой субъект выбирает такую подсистему стилистических средств языка, которая наиболее соответствует данному коммуникативному контексту [7: 353]. Покажем это на примере рассказа Аркадия Аверченко «Русское искусство». Русская актриса, оказавшись после революции 1917 года в эмиграции, работает служанкой в доме барона. Встретив на улице Константинополя старого знакомого (от лица которого и ведется повествование), она предается сентиментальным воспоминаниям:

— *Слушайте, простодушный! Очень хочется вас видеть. Ведь вы — мой старый милый Петербург! Приходите чайку попить.*

И вот герой появляется в доме барона:

— *Что угодно?*

— *Анна Николаевна здесь живет?*

— *Какая?*

— *Русская. Беженка.*

— *Ах, это вы к Аннушке! Аннушка! Тебя кто-то спрашивает.*

Раздался стук каблучков и в переднюю впригнула моя приятельница, в фартуке и с какой-то тряпкой в руке. Первые ее слова были такие:

— *Чего тебя, ирода, черти по парадным носят? Не мог через черный ход приттнуть?!*

— *Виноват, — растерялся я. — Вы сказали...*

— *Что сказала, то и сказала. Это мой кум, барыня. Я его допрежь в Петербурге знала. Иди уж на кухню, раздевайся там. Недотена!*

Передача и декодирование стилистической информации является нормой речевой коммуникации. Напротив, как утверждают специалисты в области нейролингвистического программиро-

вания [26: 76], некоторые формы патологии психики, например шизофрения, состоят в том, что субъект не в состоянии определить тип речевого контакта, идентифицировать коммуникативную ситуацию. Сознательное смешение стилей является одним из средств создания фaszинативного эффекта в текстах художественной литературы, СМИ и рекламы. Ср. отрывок из молодежной песни, в которой выступают элементы поэтического стиля — *девушка моей мечты*, и просторечия — *зараза*:

Ты отказала мне два раза.

«Не хочу!» — сказала ты.

Вот такая ты зараза,

Девушка моей мечты.

Этологическая функция

Этологическая (другими словами — эргономическая, эвристическая) функция языка наиболее редко обсуждается в лингвистической литературе, большинство исследователей ее вообще и не выделяет.

Сущность этологической функции языка состоит в том, что благодаря речевой деятельности говорящий организует дискурс, оптимизирует собственное поведение.

На уровне гипердискурса (т. е. таких категорий, как «общество», «государство», «партия», «фирма» и т. п.) язык играет роль фундаментального организатора деятельности общественных институтов — как в сфере внешней коммуникации, охватываемой понятием маркетинга [23: 16], так и в сфере внутренней коммуникации, т. е. внутри группы. Этологическая функция языка выступает в этом случае как институциональная.

В интерперсональных дискурсах частным случаем реализации этологической функции является употребление рекреационных операторов, т. е. вспомогательных языковых выражений, облегчающих решение говорящим определенных психологических или практических задач (Б. Ю. Норман называет это явление хезитацией, см.: [11: 192]). Таковы, например, вводные слова и выражения *видите ли...*, *так сказать*, *вот, как говорится* и т. п.

Примером реализации этологической функции могут быть разного рода вспомогательные речевые действия, которые носят бессознательный,

неинтенциональный характер. Например, человек, однажды неправильно набравший номер телефона, при повторном наборе начинает его проговаривать. Подобная ситуация наблюдается в детском возрасте, когда при решении сложных практических задач ребенок прибегает к проговариванию, что было описано Л. С. Выготским [3, Т. 6: 23].

К области этологической функции языка следует отнести и явление, известное под названием эхолоалии — многократного повторения одних и тех же реплик с целью их закрепления в памяти. Чаще всего эхолоалия выступает в детской речи — таким образом усваивается структура языка.

Когнитивная функция

Когнитивная (или познавательная, аккумулятивная, гностическая) функция языка заключается в том, что в форме и структуре языковых единиц и языковых категорий хранится информация о мире, тем самым благодаря знанию языка его носители получают доступ к конвенциональной, выработанной данной культурной традицией картине мира, т. е. системе концептов и стереотипов, относящихся к окружающим предметам (в том числе и лицам), действиям, состояниям, событиям, свойствам и процессам.

В системе языка когнитивную функцию наиболее полноценно выражают единицы лексического уровня — лексемы и фразеологизмы. Каждая усвоенная лексическая единица означает квант информации о мире.

В основе когнитивных исследований лежит обоснованный в русле психологического языкознания XIX века тезис о мотивационной природе языка, т. е. обусловленности его внутренней структуры психическими процессами, происходящими в сознании и подсознании языковых субъектов. Во второй половине XX века, как пишет В. З. Демьянков [4: 21], в мировом языкознании произошла «когнитивная революция», сущность которой состоит в распространении интерпретативного подхода к описанию знаковых систем.

Креативная функция

Креативная функция языка реализуется в силу действующего в каждой культуре языко-

вого детерминизма, т. е. воздействия структуры языка, в первую очередь его лексических категорий (которые Э. Сэпир называл «концептуальными»), на познание и поведение языковых субъектов.

Креативная функция языка проявляется, в частности, в лексикализации грамматических значений, например, в явлении персонификации значений грамматической категории рода [15]. В качестве примеров можно привести женский образ смерти в русской народной мифологии, основанный на грамматическом значении женского рода существительного *смерть*, или мужской образ смерти в немецкой мифологии — в немецком языке существительное *der Tod* мужского рода.

Существительное *Kunst* в немецком языке, напротив, женского рода, поэтому нет ничего удивительного, что на картине *Die freien Künste* («Свободные искусства»), которую видят посетители принадлежащей семье Круппов виллы Хюгель в Эссене, искусства представлены образами прекрасных женщин. Впрочем, эта традиция в изобразительном искусстве имеет античное происхождение: в латыни существительное *ars* 'искусство' — женского рода.

Влиянием грамматической категории рода можно объяснить название известной книги Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо», а также строки из стихотворения Булата Окуджавы: *Любили женщину одну — / Она звалась Победа*. Другим интересным примером такого рода является функционирование в разных европейских языках существительного *звезда*. В русском и в польском языках оно относится к словам женского рода, в немецком языке (*der Stern*) — к словам мужского рода. Не случайно в русском языке (особенно в поэтических текстах) *звезда* выступает символом любимой женщины.

В немецком языке существительное *Stern* имеет несколько иную символику: в немецкой поэзии XVII–XIX вв. оно, главным образом, символизировало женщину как объект любовных переживаний, но в XX веке выражение *Du bist mein Stern* превратилось в топик женской поэзии и больше ассоциируется с мужчиной. В поль-

ском языке реже, чем в русском, существительное *gwiazda* ‘звезда’ выступает с эротической символикой — видимо, под влиянием религиозной традиции (о символике звезды в христианском богословии см.: [14: 996]).

Конститутивная функция

Конститутивная функция реализуется по отношению к языковым ситуациям и означает статус языка в социальной структуре общества, в частности — его административный статус.

Так, в бывшей Югославии (СФРЮ) сербско-хорватский язык имел статус одного из государственных языков (кроме словенского и македонского), а также употреблялся в речи на территории четырех республик: в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, а также в Черногории. После политических событий 80-х и 90-х годов прошлого столетия стали формироваться две независимые литературные нормы — сербская и хорватская; сфера функционирования этих языков сузилась и теперь они обладают преимущественно моноэтническим статусом.

В зависимости от социокультурного ранга, а также от спектра функционирования этнические языки обладают разными конститутивными свойствами. С учетом этих свойств можно представить несколько оппозиций языковых систем (см.: [10: 130 и след.]):

- 1) кодифицированные (письменные) — некодифицированные (устные);
- 2) интердиалектные — диалектные;
- 3) литературные — нелитературные;
- 4) полиэтнические (употребляемые несколькими народами) — моноэтнические;
- 5) государственные (официальные, конституционные, национальные) — негосударственные (местные, региональные, языки национальных меньшинств);
- 6) документные (языки, на которые в официальном порядке переводятся резолюции Государственной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН) — полудокументные;
- 7) пророческие (профетические, сакральные, апостольские, например: ведийский, древнееврейский, древнегреческий, классический араб-

ский, веньянь и др.) — непророческие (народные, vernaculae);

8) язык как вспомогательное средство при обучении другому языку — язык, на котором ведется преподавание, — язык как учебный предмет.

Интерлингвистическая функция

Интерлингвистическая функция состоит в воздействии одной языковой системы на другую (на другие). Можно различать несколько типов обусловленности языковых изменений:

- 1) контактные — неконтактные;
- 2) однонаправленные — взаимные;
- 3) конвергенционные — дивергенционные.

Результатом языковых контактов (в рамках определенного культурно-географического ареала) обычно является интерференция языковых систем — проникновение элементов одного языка в систему другого, и наоборот. В условиях неконтактного взаимодействия интерлингвистическую функцию выполняют языки, имеющие высокий культурный статус, например классические языки.

Чаще всего взаимодействие языков имеет однонаправленный характер, как это наблюдается при экспансии латыни в средневековой Европе, французского языка в XVII–XIX вв. или английского языка в XX веке — первой декаде XXI века (см.: [28: 105; 24: 23]).

Языковая дивергенция обычно проявляется в условиях центробежных социально-политических процессов. С таким явлением мы имеем дело в странах бывшего Советского Союза и бывшей СФРЮ: начиная с 90-х годов XX века в бывших республиках проводится (официальная или неофициальная) языковая политика, целью которой является децентрализация языка. Например, в белорусских оппозиционных изданиях, особенно в Интернете, культивируется альтернативная по отношению к официальной литературная норма белорусского языка, в значительной степени основанная на экспансии полонизмов [8; 23]. Подобными же процессами можно объяснить и возникновение в конце прошлого столетия боснийского литературного языка [21: 72 и след.].

Заключение

Представленная в статье модель функций имеет несколько особенностей: 1) учитываются экспликативные функции, т. е. такие, которые заключаются в использовании языковых знаков в качестве носителей информации; 2) учитывается инструментальная («медийная») природа языка, т. е. функционирование языковых знаков как средств реализации действий, например магических или политических; 3) система функций языка, в принципе, имеет открытый характер: с учетом новых отношений языка и элементов его окружения (среды) могут появляться новые функции. Это приводит нас к заключению, что язык является не только системой систем, как подчеркивали теоретики структурализма, но и элементом в системе культуры, которая во многом определяет содержание и направления функционирования языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Р. Т. Социоллингвистика. Цели, методы, проблемы. М., 1980.
2. Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Аксиомы теории коммуникации // Межличностное общение / Ред. Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. СПб., 2001. С. 12–25.
3. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М., 1982; Т. 6. Научное наследство. М., 1984.
4. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
5. Еромоленко С. С. Язык тоталитаризма и тоталитаризм языка // Мова тоталітарного суспільства / Ред. Г. М. Яворска. Київ, 1995. С. 7–15.
6. Карпова С. Н., Колобова И. Н. Особенности ориентации на слово у детей. М., 1978.
7. Киклевич А. Притяжение языка. Т. 1. Семантика, лингвистика текста, коммуникативная лингвистика. Olsztyn, 2007.
8. Кіклевіч А. К., Пацехіна А. А. Беларуская літаратурная норма: дынаміка і інавацыі (на матэрыяле сучаснага беларускага друку) // Slavia Orientalis. 2000. Вып. 49. № 1. С. 93–105.
9. Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985.
10. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: Учеб. пос. М., 2001.
11. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
12. Норман Б. Ю. К социо- и психолингвистической интерпретации некоторых стереотипных реплик в стандартных ситуациях // Русский язык. Минск, 1988. Вып. 8. С. 87–92.
13. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
14. Словарь библейского богословия / Ред. К. Леон-Дюфура. Брюссель, 1974.
15. Успенский Л. Слово о словах. Л., 1971.
16. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1986.
17. Abercrombie D. Elements of General Phonetics. Edinburgh, 1967.
18. Agryle M. Social Interaction. London, 1969.
19. Bralczyk J. O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych. Kraków, 1986.
20. Communication in Face to Face Interaction / Eds. J. Laver, S. Hutchesson. Harmondsworth, 1972.
21. Hofman-Pianka A. Socjolingwistyczne aspekty współczesnego języka bośniackiego. Kraków, 2000.
22. Kiklewicz A. Podstawy składni funkcjonalnej. Olsztyn, 2004.
23. Komunikacja marketingowa: instrumenty i metody / Red. B. Szymoniuk. Warszawa, 2006.
24. Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. Köln, 2005.
25. Skalski T. Sprawcza funkcja języka. Z zagadnień naturalizacji umysłu i języka. Łódź, 2002.
26. Walker W. Przygoda z komunikacją. Gdańsk, 2001.
27. Wasilewski J. Retoryka dominacji. Warszawa, 2006.
28. Zimmer D. E. Sprache in Zeiten ihrer Unverbesserlichkeit. Hamburg, 2005.